

ГЛАГОЛ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО СИНОНИМИЧНЫХ СИНТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: синонимия, семантическое ядро, синтетическая конструкция, глагол, сочетаемость, пространственное значение.

Семантика управляющего глагола является одним из основных факторов при формировании грамматических синонимов. В выражении пространственных значений глагол рассматривается как семантическое ядро идеи движения. Инвариантное значение пространства и направления находится в прямой зависимости от семантики глагола.

I.G. IVANOVA

A VERB AS THE MAIN COMPONENT IN SYNONYMOUS CONSTRUCTIONS WITH SPATIAL MEANING IN MARI

Key words: synonymy, semantic core, synthetic construction, verb, combinability, spatial meaning.

Semantics of the main verb in a synonymous chain is the main factor which influences the process of formation of grammatical synonyms in Mari. A verb is regarded as the semantic core of the idea of action in denoting spatial meanings. Invariant meanings of space and direction depend on semantics of a verb.

К синтетическому способу выражения пространственного значения в мари́йском языке относится существительное в формах пространственно-местных падежей (местный падеж – м.п., обстоятельственный падеж – о.п., направительный падеж – н.п.). Инвариантное значение пространства и направления находится в прямой зависимости от семантики глагола. Направительное значение шире пространственного, так как глагол может указывать на направление действия, но последнее не обязательно совершается в каком-то конкретном пространстве или имеет локализацию.

При выявлении синтетических эквивалентов в способах выражения пространственных значений необходимо рассмотреть глаголы как семантическое ядро идеи движения в непосредственном окружении лексическими уточнителями направленности действия, в качестве которых выступают наречия, падежные конструкции. В целом все значения глагольных конструкций в поле пространственности группируются вокруг двух центров – удаления/приближения объекта в результате действия и локализации действия. Периферию поля пространственности составляют глаголы со значениями состояния (*сусыргаиш* 'пораниться', *эмганаш* 'ушибаться', *черланаш* 'заболеть', *энерташ* 'опереться', *малаш* 'спать' и т.д.), физических и моральных изменений (*йылгыжаиш* 'блестеть', *локтылалташ* 'портиться', *нõраиш* 'мокнуть', *когаргаиш* 'обжечься', *ошемаш* 'бледнеть', *молемаш* 'меняться', *пудыргаиш* 'сломаться' и т.д.), зрительного, слухового и чувственного восприятия (*солнаш* 'доноситься', *кояиш* 'казаться', *шергылташ* 'раздаваться', *кончаиш* 'явиться'). Глаголы движения и статики характеризуются признаками сильного управления, а другие группы – признаками слабого управления.

При определении обязательной или необязательной сочетаемости Т.К. Агладзе отмечает, что «строго транзитивные глаголы обладают обязательной сочетаемостью с прямым дополнением, между тем с обстоятельствами, косвенным дополнением они соединены лишь потенциальной сочетаемостью» [1, с. 113]. Однако обязательная сочетаемость свойственна не только транзитивным, но и некоторым интранзитивным глаголам. Как отмечает Л.А. Петухова, «это характерно главным образом глаголам движения, которые нуждаются в указании на направление, например: *пураиш* 'зайти', *кайиш*

'идти, ехать', *чонешташ* 'лететь'. Некоторые глаголы со значением существования, нахождения, пребывания также требуют употребления распространителя, обозначающего место: *илаш* 'жить', *верланаш* 'разместиться', *шинчаш* 'сидеть' [7, с. 77]. Следует отметить, что при определении групп глаголов с обязательной сочетаемостью учитывается не только наличие обязательного распространения, но и частотность его употребления. Мы солидарны с мнением Ю.Д. Апресяна, который полагает, что при определении сильно управляющих глаголов следует руководствоваться «не только тем, что они редко употребляются с пустым составом подчинимых форм, но и с тем, что у каждого из них есть такой состав подчинимых форм, с которым они употребляются очень часто» [2, с. 37]. Если учитывать пространственную характеристику действия, глаголы движения в отличие от данного лексико-грамматического разряда со значением местонахождения подчиняют в большинстве случаев имена только в форме направительного падежа, в то время как глаголы второй группы требуют употребления подчиненного компонента в формах разных пространственных падежей (местный падеж, обстоятельственный падеж). Например: *олашке (н.п.) каяш* 'ехать в город'. Кок стражник тўан *кодыч*: *иктыже – уремеш (о.п.)*, *весьеже – кудывечеш (о.п.)* [10, с. 320] 'Два стражника остались снаружи: один из них – на улице, другой – во дворе'. Ср.: *уремыште (м.п.) кодаш* 'остаться на улице', *кудывечыште (м.п.) кодаш* 'остаться во дворе'.

В марийском языке в сфере выражения пространственных отношений глагольные сочетания, которые характеризовались бы активными синонимическими связями, достаточно многочисленны. Активность подобных синонимических отношений, помимо сочетаемостных свойств глагола, объясняется определённой хронологией в развитии местных падежей. Специфической особенностью финно-угорских языков является обилие различных локальных падежей. Наличие большого количества падежей с пространственной характеристикой Б.А.Серебренников объясняет тенденцией этих языков к выражению различных оттенков способа протекания действия с помощью лативов вследствие отсутствия в них предлогов [9]. Лативы использовались для выражения характера глагольного действия. В уральских языках тенденция к разноаспектному описанию действия была особенно значительной. В марийском языке лативы являются источниками образования всех пространственных падежей: направительный падеж является следствием объединения суффиксов разных лативов на –к, местный – лативного суффикса –š и локативного –t. Латив на –š участвовал также в формировании суффикса обстоятельственного падежа. В некоторых диалектах марийского языка лативный суффикс –к продолжает выполнять падежную функцию, например: *ял мучко* «на окраину деревни», ср.: *ял мучашке* «то же» [3, с. 29].

Общность происхождения указанных падежей создаёт предпосылки для выражения синонимических отношений, прежде всего образования синтетических конструкций. При установлении их синонимических связей учитывается взаимосвязь морфологии с синтаксисом. Морфологические единицы реализуют свои значения в процессе своего функционирования, являясь элементами синтаксических построений. Включение того или иного синтаксического построения определяет их содержание. Морфологические синонимы могут быть определены как параллельные формы словоизменения и формообразования, сближенные принадлежностью к одной и той же морфологической категории (например, падежа) и различающиеся оттенками общего грамматического значения. Морфологическая синонимия прежде всего включает синонимику форм слова, частей слова. Все синонимичные формы в морфологии

служат для выражения грамматического значения одного и того же слова. Изменение форм слов осуществляется в процессе его функционирования в рамках синтаксических построений, находясь в прямой зависимости от управляющего компонента. Соответственно, целесообразно рассматривать модификацию словоформ на уровне синтаксических конструкций. Наличие разнообразия падежных окончаний является одной из особенностей синонимичных словосочетаний в марийском языке.

Функционально-тождественными грамматическими формами при выражении пространственного значения в марийском языке являются в первую очередь глагольные конструкции с именами в формах пространственно-местных падежей при условии сохранения одного и того же управляющего компонента или замены его лексическим эквивалентом.

В системе выражения обстоятельственного значения места центральное место отводится сочетаниям с именами в форме инессива. Выражение значения места является также основным у обстоятельственного падежа. По выполняемой функции местный и обстоятельственный падежи в определённой степени сближаются. Например: «Мом ышташ?» – «*Погынымаште* (тидым) *ойлен пуаш кӱлеш*» [11, с. 108] 'Что делать? – Надо обсудить (это) на собрании'. Ср.: Сакар, партий пашам посна *погынымашеш тергена*, тыште йӱнан огыл [11, с. 66] 'Сакар, партийные дела обсудим на специальном собрании, здесь неудобно'.

Следует отметить, что нюансы местно-направительного значения рассматриваемых падежей зависят от стержневого компонента, выраженного глаголом. Выбор падежной словоформы определяется характером глагольного управления, лексическим значением глагола и конкретным содержанием предложения. Рассматривая лексико-семантическое значение глагола в словосочетаниях, мы обнаруживаем, что некоторые глаголы являются идентичными для нескольких зависимых падежных форм. Например, глаголы со значением движения подчиняют себе имена существительные в обстоятельном и направительном падежах, глаголы действия – в обстоятельном и местном падежах:

Румо *олмеш*, пундыш тӱшка коклаште, тыгыдер *кушкеш* [11, с. 81] 'На месте лесоповала, посреди пеньков, растёт кустарник'. Сравните: Ял кыдалне ик тошто пӱрт ыле. Ынде тудын *олмышто* Якуш Вӱдырын кышкар гай оралтыже *тӱзланен шинча* [11, с. 108] 'В середине деревни находилась старая избушка. Теперь на её месте возвышается богатый двор Ведыра, сына Якуша'.

В данных примерах отчётливо прослеживается возможность синонимического варьирования в одной и той же синтаксической функции (обстоятельства места) существительного *олмо* 'место' в форме обстоятельного падежа (*олмеш* 'на месте') и в инессиве (*олмышто*'тж'). Однако общность синтаксических функций, выполняемых падежными формами, не всегда свидетельствует об их взаимозаменяемости. Синонимичность конструкций достигается вследствие сближения местного и обстоятельного падежей в одном из своих значений. Подобным условием при соответствующем лексическом окружении является внешнеместное значение.

Падежная форма имени в синтаксической конструкции обусловлена структурно-семантическим характером всего предложения. Падеж несёт в себе общее значение отношения данного имени к другой определённой единице – к словоформе или к предложению в целом. Таким образом, падеж обозначает отношение имени – в определённой его форме – к слову во всей системе его форм, к словоформе в составе предложения либо к целой синтаксической конструкции [8, с. 476]. В марийском языке для эквивалентных глагольных

конструкций с именами в форме местного и обстоятельственного падежей существует идентичный ряд глаголов.

При глаголах и деепричастиях, образованных от глаголов со значением состояния, таких как *малаш* 'спать', *орланаш* 'мучиться', *шижаш* 'чувствовать', *озаланаш* 'хозяйничать', *тыршаш* 'стараться', *нояш* 'устать', *канаш* 'отдыхать', *нераш* 'дремать', *тўнчыгаш* 'хиреть, слабеть', *эмганаш* 'раниться', *сусыргаш* 'ушибаться', *адыргаш* 'угореть', *черланаш* 'заболеть' и других, управляемыми компонентами выступают в основном существительные в обстоятельном и местном падежах:

(Вачай) пура – контор омса суралыме. «*Мўнгышышт малыныт*», – малын шоналтен, мўнгыш каяш савырна [11, с. 162] (Вачай) заходит – дверь в контору заперта. «Наверно, (они) ночевали дома», – подумал он и хотел было пойти обратно'. Ср.: *мўнгышытышт малыныт* 'ночевали дома'.

Кõ гын таче *нуреш* чот *ноялын* – пиалан тудо ен улдалеш [5, с. 32] 'Счастливы тот, кто сегодня устал, работая в поле'. – Ср.: *нурышто ноялын* 'устал, работая в поле'.

Элнет *пўнчерыште* купеч изиш *нералта* гын, сатужат йомеш, вуйжат пыта [10, с. 175] 'Если купец вздремнёт в Илетьской сосновой роще, то он потеряет и товар, и голову'. Ср.: *пўнчереш нералта* 'вздремнёт в сосновой роще'.

Глаголы и деепричастия, образованные от глаголов со значением изменения (в форме, цвете, объеме, росте, характере): *молемаш* 'измениться', *кушкаш* 'расти', *йылгыжаш* 'блестеть', *ошемаш* 'бледнеть', *йошкаргааш* 'краснеть', *нõраш* 'мокнуть', *кылмаш* 'мёрзнуть' и другие, требуют также имена существительные в форме местного и обстоятельственного падежей:

Такшым мый тиде *олаштак шочын-кушкынам* [6, с. 24] 'вообще-то я родился и вырос в этом же городе'. Ср.: *олашак шочын-кушкынам* 'родился и вырос в городе'.

Пõтырын коваште пинчакше *кечыште йылгыжеш* [11, с. 181] 'Кожаный пиджак Петра блестит на солнце'. Ср.: *кечеш йылгыжеш* 'блестит на солнце'.

Чодыраште, лум *лонгаште кылмен*, *пўжалт*, *йõсланен* пу ден пырням мый *руэм* [10, с. 35] 'Я в лесу рублю дрова, потея, мучаясь, замерзая в снегу'. Ср.: *Чодыраш*, лум *лонгаш кылмен*, *пўжалт*, *йõсланен руэм* ('я) рублю в лесу дрова, потея, мучаясь, замерзая в снегу'.

Выбор словоформы в соответствующих падежах марийского языка с пространственным значением связан с коммуникативно-речевыми принципами. В целях акцентирования внимания на новой или необходимой для коммуникантов информации при сохранении стержневого компонента глагольного сочетания используется имя в инессиве, в то время как форма обстоятельственного падежа придаёт высказыванию нейтральный характер. Чаще всего рематизация требует употребления существительного в местном падеже с усилителями, выраженными указательным местоимением (*тиде* 'этот, эта'), возвратным местоимением (мый *шке/шкат* 'сам'), собственным существительным (*Элнет* *пўнчерыште* 'в Илетьской сосновой роще'). Обладая генеративным неопределённым оттенком, имя в обстоятельном падеже часто является составляющим компонентом фразеологических сочетаний: *кўч мучашеш кодаш* 'иметь мало шансов', *нереш лодаш* 'зарубить на носу', *õрдыжеш кодаш* 'не принимать участия (остаться в стороне)'.

Являясь составным элементом синтаксического сочетания фразеологического типа, имя в некоторой степени абстрагируется, сплачиваясь со стержневым компонентом сочетания. Форма обстоятельного падежа в подобных конструкциях выполняет генерализирующую функцию.

Синонимичность на уровне связи форм слов в марийском языке возникает при глаголах, относящихся к периферии поля пространственности. Валентные свойства глаголов ослабевают по мере удаления от семантического ядра, приводя к нарушению взаимно однозначного соответствия. Асимметрия планов содержания и выражения, обоснованная, с одной стороны, полифункциональностью глаголов и факультативным характером синтаксических отношений, с другой, создаёт возможность для синонимических отношений глагольных конструкций. Семантический сдвиг наблюдается также у некоторых глаголов, обозначающих движение. Так, глагол *погынаш* 'собираться' может подчинить существительное не только в формах местного и обстоятельного падежей, но и в иллативе:

Тачат Пайдушын *пӧртыштыжӧ* ўдыр-влак лыя *погынен улыт* [10, с. 182] 'Вот и сегодня в доме Пайдуша собралось много девушек'. Ср.: Пайдушын *пӧртышыже погынен улыт* 'собрались в доме Пайдуша'. Поянрак кашак гына...ик *лукуш погынен шогалын*, ала-мом мутланеныт [11, с.147] 'Только группа богатых людей, собравшись в одном уголке, что-то обсуждала'.

Группа словосочетаний, выражающих местные отношения, является наиболее распространённой и употребительной. Для марийского языка, как и для других восточно-финно-угорских языков, характерно то, что для обозначения места действия внутри или на поверхности предмета употребляется, в первую очередь, форма местного падежа: *лавыраште пӧрдалаш* 'валяться в грязи', *кудывечыште модаш* 'играть во дворе', олык *лапыште верланаш* 'располагаться в низине'. Выражение внутреннего и внешнего места относятся также к основным функциям обстоятельного падежа:

Чачи Элнет *олыкеш* Сакарым *ужын огыл* [10, с. 271] 'Чачи не видела Сакара на лугах Илети'.

Но тыгак, зре волгалтын, Ленин *шӱмешна кодаш* [4, с. 14] 'Но также, вечно излучая свет, Ленин останется в наших сердцах'. Выбор словоформы определяется семантикой управляющего компонента, коммуникативными намерениями говорящего.

При выражении направления действия или объекта синонимичными оказываются глагольные сочетания с существительными в формах направительного и обстоятельного падежей. Для связанных синтаксических форм в реализации падежных значений решающим фактором выступают управляющие компоненты, выраженные глагольными формами. Выбор падежных форм в синтаксических построениях осуществляется на основе семантического принципа. Синонимичные отношения возникают между направительным и обстоятельным падежами, если глаголы и деепричастия, образованные от них, имеют значение предела движения. Например:

Вара варакш *кыдыш верештыда* [11, с.158] 'Потом окажетесь в лапах ястреба'. Ср.: варакш *кыдаш верештыда* 'окажетесь в лапах ястреба'.

Григорий Петрович *ўстелеш эңертен шинче* [10, с. 294] 'Григорий Петрович сел, оперевшись на стол'. Ср.: *ўстелыш эңертен шинче* 'сел, оперевшись на стол'. (Евсей Кугергин) пурла кидше дене *пулвуйыш эңертен...*[12, с. 117] '(Евсей Кугергин) правой рукой оперся на колёно'.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что глаголы с семантикой направления, в отличие от глаголов, выражающих местонахождение, требуют употребления имени в форме иллатива. Данный факт объясняется тем, что глаголы со значением направления составляют ядро поля пространственности. Как известно, различные асимметричные явления возникают чаще всего в результате семантического сдвига, на периферии полевой структуры. Возможности замены управляемого компонента глагольно-

го сочетания в форме обстоятельственного падежа существуют, внося определённые различия в семантику всего сочетания. Обстоятельный падеж, в отличие от иллатива, выражает внешнеместное значение, что способствует приобретению всей конструкции значения не направления, а местонахождения. Например:

Шуко ўдырамаш-влак *тувырешышт* тошто тарай олмеш у деч уым, онгай деч онгайым *налын сакалышт* [11, с. 38] 'Многие женщины на платье вместо старого кумача пришили новый из новых, красивый из красивых'. Сравните: *тувырышкышт налын сакалышт* 'пришили на платье'.

Форма обстоятельственного падежа в подобных сочетаниях употребляется, как правило, при безличных формах (деепричастий, причастий) глаголов со значением местонахождения.

Факты совпадения падежных значений при сближении семантики употребляемых глаголов можно встретить у одного и того же автора при описании определённой ситуации: Вуйышто шонымаш шуко пёрдеш, но тудым *кагазыш* (н.п.) нигузеат *луктын пышташ ок лий*. Молгунамсе семын, ой *кагазеш* (о.п.) йытыран *ок воч* [10, с. 358] 'В голове вертится много идей, однако их нельзя выложить на бумаге (досл. на бумагу). Мысль, не как прежде, с трудом ложится на бумаге'.

В одной и той же ситуации автор прибегает к разным падежным формам имени. Форма направительного падежа используется после местоимения и существительного в функции косвенного дополнения, в то время как форма обстоятельного падежа предпочтительнее при существительном в атрибутивной функции. Следовательно, имя в обстоятельном падеже без оформления притяжательным суффиксом имеет обобщённый характер, внося значение неопределённости:

Корак *тупеш* огыл *шинчын каяш кўлеш* [10, с. 220] 'Не на спине вороны надо уехать'. Ср.: Нөнчык патыр ош кайыкын *тупышкыжо кўзен шинчеш* [10, с. 167] 'Богатырь садится на спину белой птицы'.

Глагольные словосочетания с существительными в направительном падеже проявляют большие синонимичные возможности при выражении обстоятельных отношений, обозначающих слуховое, чувственное восприятие, например:

«Ордыжлужо пудырген, Аркамбаке, больницыш, напгаяш», – манме Сакарын *пылышышкыже солныш* [10, с. 241] 'У него сломалось бедро, увезти в Аркамбак, больницу, – донеслось Сакару'. Ср.: *пылышешыже солныш* 'донеслось'.

Тидым тыят *ушышкет налаш* ит мондо [10, с. 200] 'Не забудь и ты вспомнить об этом'. Сравните: *ушешет налаш* ит мондо 'не забудь вспомнить об этом'.

Следует отметить, что форма обстоятельного падежа в подобных конструкциях является более востребованной, чем форма иллатива, поскольку данная форма является основой для компонента фразеологического сочетания. Перцептивные глаголы употребляются в основном с одним распространителем: *пылышеш солнаш* «доноситься до слуха», *ушеш возаш* «вспоминать».

Тыйын чодыраш пурен кайымекет иже *ушешем возо* [10, с. 222] 'Только после того как ты скрылся в лесу, я вспомнил'. Пагулым изиш ондалаш лиеш вет. Тиде *ушешет возын огыл* ужат? [11, с. 59] 'Можно было чуть-чуть обмануть Пагула. Неужели ты не подумал об этом?'

Для глагольных словосочетаний с зависимым существительным в направительном и обстоятельственном падежах характерно то, что выражение пространственного значения связано в основном с глаголами движения. Группа глаголов движения составляет самую многочисленную и употребительную из всех групп, управляющих пространственными падежами, и отличается по силе управления [7, с.80]. Зависимыми компонентами при глаголах движения являются в основном существительные в направительном падеже в случае, если глаголы однонаправленные (по отношению к говорящему): *кайш* 'идти, ехать', *толаш* 'придти', *пӧртылаш* 'возвращаться'. Глаголы движения, управляющие, кроме направительного, обстоятельственным, реже – местным падежом, представлены также широко: *шинчаш* 'сидеть', *эңерташ* 'опереться', *тӱкнаш* 'коснуться', *возаш* 'лечь', *кодаш* 'оставаться', *куржталаш* 'бегать', *налаш* 'брать', *кылдаш* 'связать' и другие.

Проанализировав глагольные словосочетания с пространственной характеристикой, можно заключить, что лексико-семантическое значение управляющего компонента является основным фактором реляционного значения словосочетания, соответственно, регулятором в формировании грамматических синонимов.

Литература

1. Агладзе Т.К. О синтаксической сочетаемости глагола *брать* и его производных / Т.К. Агладзе // Филологические науки. 1971. № 5. С. 92-102.
2. Апресян Ю.Д. О сильном и слабом управлении / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 32-49.
3. Галкин И.С. Финно-угроведенийын негызше / И.С. Галкин, Е.Н. Мустаев / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1984. 122 с.
4. Николаев С. 77 муро / С. Николаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 128 с.
5. Осмин И. Йыжыңган муро / И. Осмин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 160 с.
6. Охотин В. Увертарымаш почеш толшо пиал / В. Охотин // Ончыко. 2001. № 12. С. 21-58.
7. Петухова Л.А. Глагольно-именные словосочетания в марийском языке / Л.А. Петухова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. 112 с.
8. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Щедова. М.: Академия наук СССР, 1980. 783 с.
9. Серебренников Б.А. О современной и древней системе марийских падежей / Б.А. Серебренников // Вопросы марийского языкознания. 1964. Вып. 1. С. 104-111.
10. Чавайн С. Собрание сочинений: в 3 т. / С. Чавайн. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. Т. 3. 428 с.
11. Шкетан М. Эренгер / М. Шкетан. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 224 с.
12. Юксерн В. Кӱсле / В. Юксерн. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 224 с.

ИВАНОВА ИРАИДА ГЕННАДЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (iraida44@yandex.ru).

IVANOVA IRAIDA GENNADIEVNA – senior lecturer of Chair of Foreign Languages № 2, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.
